

© 2004 г. А. М. МОЛДОВАН

СЛАВИСТИКА СЕГОДНЯ (О XIII-М МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ)

В середине августа этого года в Любляне (Словения) состоялся XIII Международный съезд славистов. Съезды славистов являются самым крупным научным форумом, на котором один раз в пять лет встречаются ведущие слависты мира с целью обсуждения актуальных, прежде всего междисциплинарных проблем, обмена информацией и установления научных контактов. Проводятся съезды под патронатом Международного комитета славистов (МКС), в состав которого входят председатели национальных комитетов славистов; в течение пяти лет между съездами МКС возглавляет представитель страны, организующей проведение следующего съезда¹.

На съезде в Любляне, по данным оргкомитета, было 618 участников из 37 стран, в том числе 550 докладчиков. На этом фоне заметно выделялась делегация из России – более 70 ученых². Количественно этот съезд был в два раза меньше, чем предыдущие съезды, в частности, в Братиславе и Кракове число участников достигало 1200.

Такое уменьшение численности участников съезда имеет, безусловно, позитивную сторону: чем меньше квота участников от разных стран, тем выше качество избранных докладов; ограничение числа докладов позволяет избежать чрезмерного дробления на секции, которое приводит к разобщению участников съезда и тем самым к профанации его замысла. Кажется, веселое время "мегасъездов" уходит, и можно было бы, наверное, не горевать о нем, если бы не опасение, тревожащее многих, что эта статистика отражает неутешительные тенденции, которые наблюдаются в последнее десятилетие во всем мире и отрицательно сказываются на положении славистической науки. Участники съезда выразили глубокую обеспокоенность ситуацией в области славистических исследований в таких странах, как США, Швеция, Великобритания, Италия, Франция, Канада, Израиль, отчасти Германия, Финляндия, – но в немалой степени это относится и к самой Словении, в которой славистика стремительно вытесняется словенистикой. В связи с этим нужно высоко

¹ Потребность в таких встречах возникла еще в начале прошлого века в связи с осознанием славистикой своих специфических задач, таких как исследование и научное издание славянской Библии, изучение эволюции церковнославянского языка – общего для большинства славян языка письменности, история славянских литературных языков, этногенез славян, ареальные исследования, славянский фольклор и др. Стало очевидно, что комплексное решение этих задач требует взаимодействия различных гуманитарных дисциплин и коллективных усилий ученых, специализирующихся в разных областях славистики. У истоков проведения съездов славистов стояли русские ученые. В 1903 году они впервые собрали выдающихся деятелей славянской филологии на "предварительный" съезд в Петербурге, на котором обсуждались вопросы подготовки всеславянского съезда. Провести первый международный съезд славистов удалось только в 1929 году в Праге. С тех пор съезды состоялись в Варшаве (1934 г.), Москве (1958 г.), Софии (дважды: 1963-й и 1989 г.), Праге (1968 г.), Варшаве (1973 г.), Загребе (1979 г.), Киеве (1983 г.), Братиславе (1993 г.) и Кракове (1998 г.).

² На краковском съезде квоты участников были больше, и от России в нем участвовало 100 человек.

оценить самоотверженную деятельность Национального комитета славистов Словении, Оргкомитета по проведению XIII съезда славистов и особенно председателя Международного комитета славистов проф. А. Шивиц-Дулар и ответственного секретаря Оргкомитета С. Торкара, обеспечивших успешное проведение съезда.

Политические условия, в которых сегодня приходится существовать славистам, все чаще становятся объектом их научной рефлексии. Поиски славистикой своей идентичности связаны с глубоким обновлением Европы, которая после исчезновения bipolarного мира еще не выработала нового общепонятного языка. Славистика стоит на распутье и вынуждена искать и отстаивать свои позиции и обосновывать свою практическую необходимость.

На пленарном заседании первым было выступление профессора Ф. Берника (бывшего президента Словенской академии наук и искусств) "Культурная идентичность в период глобализации". Докладчик говорил о нивелирующем воздействии глобальной культуры, которое в Словении наложилось на проблему внутренней неоднородности культурного пространства (диалектная раздробленность, тяготение отдельных регионов к итальянскому, венгерскому, австрийскому и другим векторам культуры). По мнению Ф. Берника, в период глобализации национальная культура, взаимодействуя с культурами других народов, несет ответственность за сохранение национальной идентичности.

Актуальные для современных обществ и государств вопросы были фоном и для двух других пленарных докладов: Г. Невекловского (Австрия) "Традиция и перемены в современных южнославянских языках" и Д. Броджи-Беркоф (Италия) "Русь, Украина, Галиция, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Москва, Россия, Центрально-Восточная Европа: о культурной многослойности и полифункциональности". Пленарный доклад О.Н. Трубачева "Опыт Этимологического словаря славянских языков: к 30-летию с начала публикации (1974–2003)" был представлен российской делегацией в печатном виде.

Тематика съезда была распределена по двум традиционным разделам – 1.0. **"ЯЗЫКОЗНАНИЕ"** и 2.0. **"ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА"**. В области славянского языкознания были выделены следующие аспекты, обсуждавшиеся на соответствующих секциях: **1.1. Лингвогенетический и этногенетический аспекты и историко-филологические аспекты:** Генезис славянских языков в контексте праславянской диалектологии (с акцентом на южнославянских языках). Славянская этимология в словообразовательном и семантическом аспектах. Палеославистика. Текстология и издание памятников; **1.2. Ареальные аспекты:** Ареальное изучение славянских языков (балтистика, карпатистика, германославика, австрославика, угрославика, дакославика, балканистика). Диалекты славянских языков: возникновение, развитие, современное состояние. Интердисциплинарность в диалектологических исследованиях. Перспективы, методы и техника лингвистической географии; **1.3. Структурные, типологические и сравнительные аспекты (на всех уровнях):** Актуальные проблемы научного исследования современных славянских языков (на всех языковых уровнях). Динамика и типология изменений в процессе развития славянских языков. Типологическая форма славянского предложения в метаязыковом сравнительном плане. Лексикологические и фразеологические неологизмы в славянских языках на рубеже тысячелетия. Процессы развития в области терминологии и связи между славянскими языками. Структурная типология славянского именного фонда; **1.4. Социолингвистические и прагматические аспекты:** Языковая теория стилей. Языковые контакты (славянско – славянские, славянско – неславянские). Роль национального языка в процессах формирования национальной культуры. Языковое планирование и языковая политика в странах с одним из славянских языков в качестве официального. Положение славянских языков в мире современной коммуникации и технологии в связи с вопросом о многоязычии. Социолингвистические аспекты и периодизация славянских литературных языков. Критерии литературности в славянских языках. Изменения, произошедшие в последние десятилетия в южнославянских лите-

ратурных языках. Сосуществование литературного языка и некоторых других языковых форм (вариантов) в славянских языках. Славянские языки и процессы европейской интеграции и глобализации; **1.5. Теоретические и методологические аспекты в изучении славянских языков:** Использование новых технологий на материале славянских языков. Корпус текстов на славянских языках. Когнитивный подход в языкознании.

Раздел **"ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ"** включал секции **2.1. Особые темы** (с подразделением – 2.1.1. Адам Мицкевич, Александр Пушкин, Франце Прешерн в славянском и европейском контексте. 2.1.2. Проблематика творческой деятельности в эмиграции); **2.2. Теоретические аспекты:** Современные направления литературоведения в славянском мире. Функции литературы в славянском мире. Общее сравнительное литературоведение и славянские литературы. Тематология на распутье между литературоведением, культурологией и лингвистикой (тема, интертекстуальность, модель мира); **2.3. Историко-литературные аспекты:** Типология возникновения славянских литератур. Эволюционная типология жанров в славянских литературах. Континуитет и дисконтинуитет литературного процесса с периода средневековья до постмодернизма (с акцентом на проблеме литературности). Связи между славянскими литературами в аспекте соотношения тематической и образной структуры. Фантастика в славянских литературах. Литература сопротивления. Регионализм и диалектность в литературах славянских народов. Славянские литературы национальных меньшинств и диаспоры. Славянские литературы на фоне или в окружении неславянских литератур; **2.4. Культурологические аспекты:** Изменения в литературной жизни на переломе тысячелетия (влияние социально-политических изменений и новейших средств массовой информации). Обретение национальной независимости и реинтерпретация прошлого (литература, язык, культура и история). Глобализация, культурное самосознание и мультикультурализм как проблемы славянского мира. Восприятие славянской драматургии на неславянской почве. Литература и философско-религиозная мысль. Массовая культура; **2.5. Фольклористика:** Фольклорный текст в культурном контексте. Тексты современного славянского фольклора. Понятие традиции в истории литературы и в фольклористике. Соотношение между устной и письменной формами литературы (с акцентом на изменения границ между ними). Современные тенденции в истории литературы и в фольклористике.

В качестве отдельного раздела **3.0** была выделена **"ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ"** с юбилейной темой **"Йозеф Добровский (1753–1829) в контексте европейского просвещения и общественных наук"** (Роль Йозефа Добровского в формировании славянских национальных филологий. Взгляды Йозефа Добровского и Е. Копитара на старославянский язык и культурологические и языковые аспекты славянской письменности в Карантании, Паннонии и на Балканах. Й. Добровский, Е. Копитар и славянская фольклористика).

Кроме того, на съезде было организовано 19 тематических блоков:

- "Распределение семантического анализа в статьях этимологического словаря";
- "Критическое издание древнейшего славянского текста библейских книг и его альтернативы";
- "Хорватский язык во взаимодействии с европейскими языками";
- "Интернационализация в современных славянских языках";
- "Inter-Slavica";
- "Сравнительный синтаксис славянских языков 2-й половины XX-го века";
- "Лингвистический корпус по славянским языкам";
- "Топика славянских литератур";
- "Библейские цитаты в славянской литературе";
- "Динамика насилия: Виды постсоветской популярной литературы и детектива";
- "Перевод художественных текстов – коммуникация народов, языков, культур";
- "Gender-Block";

"Роль религии в формировании национального самосознания и национальной культуры у славянских народов";

"Древнеславянская литургическая поэзия";

"Этнокультурное взаимодействие восточных славян в XVII–XVIII веках";

"Славянские языки и литературы в образовании";

"Фольклор и фольклористика на рубеже тысячелетий";

"Пища; продукты питания и культурно-семантические аспекты";

"Дунайские славяне в VII–IX вв."

Содержание докладов не вполне совпадало с установленной тематикой съезда, во всяком случае доклады далеко не равномерно наполняли ее разделы. Это отчасти говорит о недостаточной репрезентативности утвержденной Международным комитетом тематики (многие направления, в том числе активно развивающиеся, оказались не представленными на съезде), отчасти о недостаточно критическом отборе докладов, отчасти о несовершенстве съездовских правил: Оргкомитет не имел возможности корректировать тематику, приводя ее в соответствие с поступившими заявками, даже если в ней обнаруживались явные промахи. Например, важнейшая для съездов славистов тема **"История славянских литературных языков"** в перечне тем оказалась пропущена, и при формировании программы поступившие по этой теме доклады были помещены отчасти в конец секции 1.2. Ареальные аспекты (с. 81), отчасти в секцию 1.4. Эта последняя, а также секция 1.5 оставляют впечатление сформированных случайным образом. Впрочем, несомненным достоинством осуществленной группировки докладов является то, что не было излишнего дробления секций по тематике.

Охватить вниманием все разнообразие прозвучавших на съезде докладов было, конечно, невозможно (хотя в силу сокращения масштаба съезда, наиболее интересные из докладов оказались относительно доступными). И хотя предлагаемые заметки опираются не только на мои личные впечатления, программные материалы съезда и резюме докладов, но и, в значительной мере, на информацию, полученную от коллег – С.М. Толстой, Ж.Ж. Варбот, Е.Л. Березович, Т.И. Вендиной, Г.П. Клепиковой, В.А. Хорева, Л.Н. Будаговой, Л.Е. Горизонтова, А.А. Плотниковой, Е.Е. Левкиевской, Н.Н. Стариковой, Ю.А. Созиной, Л.И. Сазоновой, Е.Г. Водолазкиной и Т.Г. Руди, А.И. Чагина, Т.Б. Диановой, Л.Н. Виноградовой, О.В. Беловой и др., – за которую я приношу им свою глубокую благодарность – составить здесь сколько-нибудь полную картину происшедшего на съезде было заведомо нереально, приходится ограничиваться частичной.

По единодушному мнению участников съезда, наиболее успешно работала секция 1.1, которая объединила специалистов по этногенезу, этимологии и этнолингвистике и по истории славянской письменности. В этой секции, насыщенной интересными докладами, собрались такие ученые, как В.А. Дыбо, А.А. Зализняк, В.В. Седов, Г. Шустер-Шевц, Х. Поповска-Таборска, Л. Мошинский, И. Дуриданов, Ж.Ж. Варбот, С.М. Толстая, А.А. Алексеев, Х. Кайперт, Е. Хелимский, Й. Райнхарт и др., возможность услышать их выступления в дискуссии привлекала других участников³.

В.В. Седов (Россия) представил на этой секции доклад "Славяне в римское время", в котором новейшие интерпретации археологических данных сопоставляются с историческими свидетельствами и данными лингвистики. Удачным соединением лингвистических и исторических данных отличался и доклад А. Ломы (Сербия и Черногория) "Евразийский степной пояс как фактор языкового и культурного прошлого славян".

³ К сожалению, даже на этой секции не было недостатка в докладах теоретически слабых, тривиальных – Э. Тау-Кнудсен (Дания) "Вампир и табу. К этимологии летучих мышей" и научно несостоятельных – Р.М. Козлова (Беларусь) "Славянские континуанты праслав. **kǫld-*, **skǫld-* // **čǫld-*, **ščǫld-* (этимология, реконструкция)".

Доклад **В.А. Дыбо** (Россия) "Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология" был важен обоснованием значения славянских данных для реконструкции индоевропейской акцентологии.

Е.А. Хелимский (Германия) обобщил в своем докладе ряд наблюдений и аргументов, изложенных в его публикациях последних лет и позволяющих предполагать, что одним из основных языков аварского этнического конгломерата и, вероятно, родным языком правителей Аварского каганата в эпоху его сложения (VI в.) был язык тунгусо-маньчжурской группы.

В этимологической проблематике, которая была весьма представительной в этой секции, преобладал интерес к лексической семантике. Специально этот аспект обсуждался в рамках тематического блока по проблемам подачи семантической информации в этимологических словарях. В докладе **Я. Влаич-Попович** и **М. Белетич** (Сербия и Черногория) о первом выпуске "Этимологического словаря сербского языка" на примере конкретных статей была наглядно обобщена практика не только этого, но и других этимологических словарей славянских языков; при этом обнаруживались их сильные и слабые (проблема семантических универсалий) стороны. Глубокий анализ перспектив этимологической разработки региональной лексики с обсуждением проблем праславянских архаизмов, внутриславянских изоглосс, диалектного членения праславянского был представлен в докладе **В. Борыся** и **Х. Поповской-Таборской** (Польша) о значении "малых" языков (в частности кашубского и чакавского) для праславянской этимологии. Как отмечает **Ж.Ж. Варбот**, в этом докладе методологически существенным является установление в словаре нижней границы этимологического анализа: не глубже праславянского.

Ж.Ж. Варбот (Россия) представила на этом съезде свое исследование о народной этимологии как одном из важнейших факторов исторического изменения лексики.

Интересные сведения о многоязычных источниках румынских лексем были сообщены в докладе **Д. Гамулеску** (Румыния) "Славянские этимологии в Румынском этимологическом словаре".

Плодотворность привлечения этнолингвистического материала при исследовании семантических параллелей в славянских языках была продемонстрирована в докладе **С.М. Толстой** (Россия) "Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике" на основе изучения корней **kras/kvĕt*.

На этой секции обсуждались и другие доклады, посвященные реконструкции древнейшей славянской культуры и картины мира. В этом направлении были ориентированы доклады **А.Ф. Журавлева** (Россия) "Диалектный словарь и культурные реконструкции", **Л.В. Куринной** (Россия) "Система пространственных представлений древних славян", **И. Янышковой** (Чехия) "Отношение древних славян к деревьям с точки зрения их названий", **М. Рачевой** (Болгария) (о семантических проблемах цветообозначений), **И.А. Седаковой** (Россия) "Судьба сакральных слов в славянских языках (между язычеством и христианством)"; тематически к ним примыкает доклад **А. Петровой** (Болгария) «"Страх" в балканских языках: культурные вариации и сходства», прочитанный на секции 1.2, и др.

Съезд еще раз показал, что взаимное сближение этимологии и этнолингвистики, занимающейся отражением культуры народа в языке и фольклоре, позволяет обеспечить большую достоверность семантического анализа и реконструкции культуры. Важным событием явилось на съезде создание Международной комиссии при МКС по этнолингвистике во главе с известным польским ученым **Ежи Бартминьским**. До настоящего времени этнолингвистическая проблематика была "рассыпана" по разным секциям, что затрудняло и научное общение, и плодотворные дискуссии. Теперь у лингвистов, фольклористов, этнологов, культурологов появилась возможность непосредственно обмениваться результатами своих исследований.

Несколько докладов было посвящено новому освещению проблем исторической фонетики, основанному на новых материалах или более тщательном анализе старого. В частности, в докладе **Г. Шустера-Шевца** (Германия) о метатезе плавных и диф-

ференциации славянских языков (см. Х. Шустер-Шевц. Славянская метатеза плавных и процессе дезинтеграции праславянского // ВЯ. 2003. № 1) традиционная реконструкция процесса "метатезы" была дополнена важными наблюдениями над вариантами рефлексов в разных областях славянского мира (в частности, в полабском) и высказаны гипотезы о причинах такой вариантности (движение полабов-поморян на север с юга – что объясняет тождество рефлексов с южнославянскими языками), о первичности разделения славянских диалектов по рефлексам **orT*, о более ранней хронологии метатезы (до V в.). В докладе **И. Рейзека** (Чехия) о хронологии появления начального славянского *x*-достаточно убедительно были разделены процессы изменения *s>x* после *i, u, r, k* (VII–V в. до н.э.) и *s>x* в начале слова (ок. IV в. н.э.). В докладе **Ф. Миплоса** (Россия) "Рефлексы слав. **CelC* в восточнославянских языках" была обнаружена ранее не замечавшаяся закономерность рефлексации этого сочетания в [CeloC₂], если C₂ – губной или заднеязычный согласный и [CeleC₂], если C₂ – зубной согласный.

На материале древнеславянской письменности с учетом доступных диалектных данных были сделаны доклады по проблемам грамматики: **И. Райнхарт** (Австрия) "Морфологические инновации старославянского языка", **А. Шивиц-Дулар** (Словения) "Эволюция адъективного склонения в историческом и ареальном аспекте", **О.Ф. Жолобов** (Россия) "Морфосинтаксис древнеславянских числительных".

В докладе **В.Б. Крысько** (Россия) "Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные" был рассмотрен новый материал рукописей, расширяющий наши знания о древнейших диалектных грамматических особенностях древнерусского языка и его лексике.

Традиционная филология, изучение старославянских и церковнославянских памятников письменности были представлены рядом серьезных докладов палеославистов: **Л. Мошиньский** (Польша) "Вопрос о литургии архиепископа Мефодия", **М. Мак-Роберт** (Великобритания) «К вопросу об отождествлении "Преславской редакции" Псалтири», **С. Богданова** (Болгария) «Среднеболгарский перевод "Пандект" Никона Черногорца», **Э. Благова** (Чехия) "Языковые сходжения старославянского паримейника с другими старославянскими библейскими текстами", **Е.М. Верещагин** (Россия) "Текстология древнейших славяно-русских переводных памятников", **М. Таубе** (Израиль) "Виленская Псалтирь № 262: еврейский перевод", **С. Шварцбад** (Израиль) "Лексико-семантическая атрибуция церковнославянских текстов (реальные и мнимые гебраизмы)", **Л. Тасева** (Болгария) "Триодные синаксари у южных славян в XIV в. " и др. Более подробно эта тематика рассматривалась в рамках тематических блоков "Древнеславянская литургическая поэзия", "Критическое издание древнейшего славянского текста библейских книг и его альтернативы" и "Библейские цитаты в славянской литературе".

Крупным событием на съезде было выступление **А.А. Зализняка** (Россия) о новгородском восковом кодексе первой четверти XI в. и, в особенности, о содержащихся в нем скрытых текстах, так называемой тетралогии "От язычества к Христу".

Общее положительное качество многих из этих докладов состоит в том, что они, с одной стороны, опираются на большую научную традицию, а с другой, основаны на новых источниках и материалах, которые были введены в научный оборот в последние годы. Учет этого нового материала если и не приводит к новым решениям, то обнаруживает большую глубину проблем, позволяет увидеть несовершенство прежних классификаций и оценок.

Проблематика ареального изучения славянских языков на этом съезде переместилась в программу на второе место (в Кракове аналогичная секция была четвертой), что соответствует современному уровню развития славянской диалектологии⁴. К бесспорным достижениям славянского языкознания последних десятилетий в об-

⁴ См. более подробно в обзоре Л.Э. Калвынь, Г.П. Клепиковой. Вопросы диалектологии на XIII МСС // ВЯ. 2004. № 2.

ласти лингвогеографических исследований относятся "Общеславянский лингвистический атлас" (ОЛА), "Общекарпатский диалектологический атлас" (ОКДА, работа в ближайшее время завершается изданием 7-го выпуска), "Малый диалектологический атлас балканских языков" (МДАБЯ, издан пробный выпуск и описания ряда говоров, входящих в сетку исследования), а также "Восточнославянские изоглоссы" и др. Все эти работы осуществлялись как международные проекты и постоянно обсуждались на съездах. Теперь они становятся базой для осмысления языковых параметров отдельных выявленных ареалов, их сопоставительного изучения и интерпретации. Это было успешно продемонстрировано в докладах **Т.И. Вендиной** (Россия) "Лексика и семантика на картах ОЛА", **Я. Сятковского** (Польша) "Иноязычные заимствования в ОЛА", **А. Ференчиковой** (Словакия) "Сельскохозяйственная лексика в ОЛА" и **Л.Э. Калиньи** (Россия) "Фонетическая программа слова как инструмент типологической классификации славянских диалектов". На лексическом материале ОКДА основано исследование **Г.П. Клепиковой** (Россия) "Карпатологический аспект славянской лингвогеографии", в котором приводятся новые аргументы в пользу существования карпатской (карпато-балканской) общности; этот материал дополнило выступление **В.В. Нимчука** (Украина) "Проблема карпатоукраинско-южнославянских лексических параллелей". Материал МДАБЯ использован в докладе **А.Н. Соболева** (Россия) "Южнославянские языки в балканском ареале". При обсуждении этого доклада в связи с докладом **Е. Русека** (Польша) "Словарь балканизмов в южнославянских языках" обнаружилась сложность в понимании понятия "балканизм": являются ли "балканизмы" только результатом заимствования или влияния соседних неславянских языков или под ними можно подразумевать и собственные новообразования? С появлением фундаментальных диалектных атласов обнаруживается необходимость совершенствования диахронического истолкования их данных.

В ареальном аспекте рассматривалась этнокультурная лексика в докладе **А.А. Плотноковой** (Россия), наблюдения которой во многом согласуются с выводами **А.Н. Соболева** и, вместе с тем, позволяют устанавливать черты "культурных диалектов" в южной Славии.

Как отмечает **Г.П. Клепикова**, численность и качество представленных на этой секции докладов российской делегации (при том, что некоторые из докладчиков не смогли приехать) свидетельствует о том, что центр разработки славянской ареальной проблематики находится сейчас в России.

В разной степени ареальная проблематика затрагивалась в докладах **В. Астрэйка** (Беларусь) "Балто-восточнославянское зональное взаимодействие", **М. Флайера** (США) "О редкой инновации в восточнославянском глаголе: пример белорусской диалектной формы типа *идом* 'идем'", **С. Неверкла** (Словакия) "Заимствование германизмов через чешское посредство в польский и словацкий языки", **Ю. Накаджима** (Япония) "Опыт прагматического анализа местоименных форм в македонском языке", **И. Шаллерта** (Германия), **Р. Коссутты** (Словения) и др.

Вопреки съездовским установкам на обсуждение межславянских или общеславянских проблем, часть прочитанных на секции 1.2 докладов была посвящена сугубо частным вопросам единичных диалектов; таких докладов в программе было заявлено больше, но, по счастью, их авторы не приняли участия в съезде.

В последнее время актуальной стала проблематика диалектных контактов, функционирования диалектов в иноязычной среде или в зонах языкового пограничья, которая требует применения сравнительно новой для диалектологии социолингвистической методики. Эта методика обсуждалась в ряде докладов на секции 1.2 (доклады **Л. Бартко**, **Н. Дзензелевской**, **Ш. Липтака** (Словакия) "Словацкие диалекты на Закарпатской Украине в свете языковых контактов"; **Л.Л. Касаткина** и **Р.Ф. Касаткиной** (Россия) "Прародина оregonских старообрядцев-турчан по данным их говоров", **В. Ващенко** (Румыния) "О типологической классификации народных говоров (на примере говоров русских старообрядцев Европы)"; **И. Стоянова**, **Э. Стояновой** (Украина) "Пути развития устной и письменной форм болгарского языка на Украине"),

а также в секции 1.3 (доклады **Б. Вимер** (Германия), **А. Зелиньской** (Польша) "Об объединении диалектологических и социолингвистических методов в исследовании языковых контактов (на примере балто-славянского пограничья)"; **А. Зелиньской** (Польша) "О соединении социолингвистических и диалектологических методов в исследовании польского языка в Литве и Белоруссии"; **М. Краузе**, **Х. Саппока**, **В. Люблинской** и др. (Германия) "Ментальные карты диалектов и образ диалектов в России" и др.).

С этой тематикой был связан и доклад **Е.А. Земской** (Россия) о языке русских эмигрантов, подготовленный совместно с **О.П. Ермаковой** (Россия) и **З. Рудник-Карват** (Польша).

Ономастическая тематика на съезде была представлена всего девятью докладами, причем большинство из них было посвящено частным фактам и явлениям, а методика исследования не учитывает нового в лингвистической теории. Исключение составляет интересный доклад **Е.Л. Березович** (Россия) об этнолингвистическом аспекте топонимических исследований. Такая ситуация в ономастике, по мнению Е.Л. Березович, отчасти связана с ее методологической изоляцией от работ в смежных областях. Поэтому было бы целесообразно не стремиться выделить эту тематику в отдельную секцию, а, напротив, "растворить" ее в других секциях, чтобы обеспечить взаимообмен идеями между "апеллятивными" и "проприальными" докладами.

Характеризуя работу секций 1.3 (с подразделением на 1.3/1 и 1.3/2) и 1.4, нужно отметить, что, как всегда, приковывали внимание участников съезда выступления видных российских ученых **Т.М. Николаевой** "Пространство славянских партикул: дистрибуция и функции", **А.В. Бондарко** "Теоретические проблемы функциональной грамматики" и **Г.А. Золотовой** "Дискуссионные проблемы современной грамматики" — специалистов в области грамматики, за которыми стоят целые научные направления.

Симптоматичным был доклад **К. Гутшмидта** (Германия) о положении и перспективах славянских литературных языков в условиях европейской интеграции и глобализации. Он отметил, что славянские языки по численности говорящих на них находятся на первом месте в Европе, тем не менее результаты научных исследований и достижений не только в технических, но все больше и в гуманитарных областях публикуются сегодня на иностранных языках. Преодолеть эту тенденцию едва ли возможно, но в целях сохранения гармоничной европейской культуры необходимо бороться за сохранение славянских языков. О влиянии политических изменений на социолингвистическую ситуацию и состоянии славянских языков говорилось в докладах **А. Грыбоцевой**, **М. Баловского** (Польша), **Б. Станковича** (Сербия и Черногория) и др.

Значительная часть докладов на секции 1.4 была посвящена проблемам стандартизации языка в постиндустриальную эпоху (о необходимости отказаться от термина "литературный язык" применительно к языку современной эпохи говорилось в докладе **М. Вингендер** (Германия) "К развитию теории стандартного языка"). Интересным был доклад **Д. Данна** (Великобритания) о критических явлениях в славянских пост-литературных языках: всем современным европейским языкам присуща значительная свобода языковой нормы (под влиянием процессов глобализации, регионализации, терпимости к сленгу и другим ранее невозможным формам, а также возросшей роли языковой игры), но в наибольшей степени это явление заметно в славянских языках. Термин "пост-литературные языки" отражает происходящую, по мнению Д. Данна, замену единого литературного языка совокупностью в разной степени стандартизованных идиомов, обслуживающих различные субкультуры и слои общества.

Из разнообразных докладов, обсуждавшихся на этих секциях, отметим доклады **Ингрид Майер** (Швеция) "Переводы западноевропейских газет в московском Посольском приказе (1660–1670 гг.)", **Я. Дорули** (Словакия) "Первый полный перевод Библии на словенский язык (в сравнении с чешским и польским переводом)", **Н. Запольской** (Россия) "Книжная справа в культурно-языковых пространствах *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* (XVI–XVII вв.)", **В. Москвича** (Израиль) "Русский язык в Из-

равле", Г. Цыхуна (Беларусь) "Межславянское языковое взаимодействие", Х. Томмола (Финляндия) "К лексико-семантической типологии славянских языков", А.Я. Шайкевича (Россия) "Сеть семантических текстуальных связей в поэзии Пушкина и Мицкевича", А. Дерганц (Словения) "Некоторые различия в образовании перфективного презенса в словенском и русском", А. Мустайоки (Финляндия) "Функциональный синтаксис как основа сопоставления языков" и др.

Если секции 1.1 и 1.2 выделяли на вполне отчетливых тематических и проблемных основаниях, и секция 1.3 и 1.4 местами также демонстрировали некоторое единство тематики (хотя и уровень докладов был более неровным, и велик разброс проблем); то секция 1.5, которая заседала всего полтора дня, так что ее существование не всеми было замечено, – могла бы быть названа "разное". Вопреки названию секции, собственно теоретические и методологические аспекты здесь почти не обсуждались; напротив, в большей степени говорилось о практическом применении новейших компьютерных технологий в славистике.

Несмотря на то, что во многих докладах сравнительно-исторический подход (и даже сравнительность) отсутствовал, некоторое количество "монолингвальных" докладов (которых не удастся избежать на всех съездах) не дает основания для опасения, что "славистика постепенно превращается в простую сумму русистики, полонистики, украинистики и т.п." (Е.Л. Березович). Съезд продемонстрировал, что в центре внимания славистов по-прежнему остается анализ источников, критика текста, сравнительная славянская филология, соединение литературоведческой проблематики с лингвистической и культурологической. При этом, по наблюдению С.М. Толстой, продолжается движение в сторону "внешней лингвистики" (социальные и культурные функции языка, языковые контакты, этно- и глоттогенез) и содержательной стороны языка (слова, текста); вопросы же структуры языка – фонологии, морфологии (за исключением, пожалуй, аспектологии), словообразования, формального синтаксиса – отошли на второй план. Г.П. Клепикова также отмечает, что интерес к ареалогическим и социолингвистическим аспектам славянской диалектологии может свидетельствовать о стремлении изучать действие не только собственно лингвистических ("внутрилингвистических") факторов ("законов"), но и факторов "внешнелингвистических", а также "экстралингвистических".

Доклады по литературоведению, культурологии и фольклористике на съезде отражали существенные изменения ориентиров в этих областях филологии. При этом, по общему впечатлению В.А. Хорева, идеологическое раскрепощение гуманитарных наук и более активное приобщение литературоведческой славистики к достижениям европейской теоретической мысли не привело ее пока к новым теоретико-методологическим или концептуальным построениям. Заметно преобладали на съезде доклады историко-литературного содержания, посвященные анализу частных, порой второстепенных вопросов.

Весьма остро изменения в положении литературоведческой славистики в современном мире и понимании ею своих методологических задач обсуждались в докладах чешских ученых. В докладе М. Зелешки (Чехия) "Традиции и перспективы литературоведческой славистики" говорилось о кризисе, переживаемом этой наукой, и необходимости реагировать на меняющийся мир поисками новых проблем и нетрадиционных решений. Специально этой проблеме на съезде был посвящен "Круглый стол" "Литературоведческая славистика в период глобализации" (руководитель И. Поспишил – Чехия). Выступавший на нем польский ученый Л. Суханек предложил в качестве возможного выхода из создавшейся глобализационной ситуации интердисциплинарный подход к славистике, например, комплексное изучение особенностей отдельного славянского региона путем комбинации таких дисциплин, как страноведение, география, этнография, философия, культура, литература, язык т.д. (так называемые *area studies*). В качестве примера он привел опыт Краковского университета, где уже введена специализация "россиеведение", и откуда выходят "россиеведы" (специалисты по Рос-

сии). Реализация такого подхода, наверное, полезна для представления отдельных языков и стран, но для славистики гибельна уходом от научной методологии.

В докладе об актуальной проблематике изучения славянских литератур **Л.Н. Будагова** (Россия) обобщила опыт создания в руководимом ею Центре истории славянских литератур трехтомной "Истории литератур западных и южных славян". По ее мнению, насущной задачей является ликвидация тех белых пятен в изучении славянских литератур (исторических эпох, национального литературного процесса, художественных течений, писательского творчества), которые возникли по идеологическим или цензурным причинам, а то и просто из-за недостатка знаний. Требуется изучения и возвращения в историю литературы творчество писателей-эмигрантов, диссидентов, писателей, подвергавшихся репрессиям, замалчивавшееся по политическим причинам. Нуждаются в переоценке нетрадиционные литературные направления (декаданс, модернизм, авангардные течения, религиозная литература).

Примером комплексного обсуждения этих литературоведческих проблем в их связи с современной жизнью был доклад польского ученого **Л. Суханека** "Эмиграция как травма". Применяя понятия "культурная травма" и "антропологическая травма" к жизни российской писательской эмиграции третьей волны, он выделил две модели их преодоления: адаптация к новой среде и ее системе ценностей (И. Бродский, Ю. Дружников) и резкая критика Запада при полном отрицании коммунизма (А. Солженицын) или сохранении положительного к нему отношения (Э. Лимонов).

В этом русле был организован тематический блок "Динамика насилия: виды постсоветской популярной литературы и детектива".

Интересными теоретическими поисками отличались доклады и дискуссии на секции, посвященной сопоставительному исследованию творчества словенского поэта Ф. Прешерна (доклады **В.А. Хорева** "Романтические поэмы А. Мицкевича и Ф. Прешерна", **Н.Н. Стариковой** и **Ю.А. Созиной** (Россия) "Франц Прешерн в кругу славянских поэтов-современников и изучение его творчества в России", **Г. Коцьяна** (Словения) "Характерные особенности баллад Прешерна, Пушкина, Мицкевича, их различие и сходство" и др.). Обсуждалось соотношение двух типов литературной близости: контактных связей (влияние, заимствование, реминисценции, филиации и т.п.) и типологических сходжений.

Темы литературоведческих докладов, как отмечают участники других литературоведческих секций (**Л.Н. Будагова**, **Е.Г. Водолазкин**, **Т.Р. Руди**) были весьма, порой даже чрезмерно разнообразны – от размышлений о судьбах славяноведения до толкований конкретных литературоведческих понятий [**М. Юван** (Словения) "Стиль и идентификация литературного текста"]; от текстологического анализа отдельных произведений [**Л. Мокробородова** (Финляндия) «Цитата как гипотекст: роман М. Бутова "Свобода" (1999)», **У. Шольц** (Германия) «Литература и мифология: образ черта в "Борисе Годунове" А.С. Пушкина»] до концепций национального литературного процесса в общеевропейском контексте [**М. Наенко** (Украина) "Дискурс современного литературоведения 90-х годов XX в."; **Н. Радический** (Македония) "Направления связи македонского культурного пространства с другими южнославянскими народами"] и типологии литератур различных славянских народов [**Л.И. Сазонова** (Россия) "Кросс-культурные процессы в Европе: на материале книг кириллической печати второй половины XVI в."; **М. Якимовска-Тошич** (Македония) "Типология развития жанров в средневековых славянских литературах"; **И.И. Калиганов** (Россия) "Регионализм в древних литературах ареала Slavia Orthodoxa"; **Светлозар Игов** (Болгария) "Теоцентризм, этноцентризм и антропоцентризм. Европейский Ренессанс и славянское национальное возрождение" и др.].

Активную разработку получили на съезде проблемы литературных жанров средневековья. Эта тема была представлена как в общеметодологическом освещении (**М. Якимовска-Тошич**), так и в углубленных исследованиях конкретных жанровых форм [**М.В. Рождественская** (Россия) "Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: апокриф как литературный текст"; **Е.Г. Водолазкин** (Россия)

"О жанровых особенностях древнерусских хронографов"; **И. Шпадиер** (Сербия и Черногория) "Гимнографический жанр и богослужебная практика – Феодосиевы каноны святому Симеону и святому Савве"; **А. Милтенова** (Болгария) "Литература в форме вопросов и ответов в славянском Средневековье – типология жанра"]. Вопросы типологии литературных текстов привлекли внимание исследователей также и в отношении других аспектов исследования средневековой поэтики [**Т.Р. Руди** (Россия) "Средневековая агиографическая топика: принцип *imitatio* и проблемы типологии"; **Р. Кунчева** (Болгария) "Поэзия болгарских католиков (XVIII в.) – стих и поэтика. Типологические параллели с южнославянским и западнославянским католическим миром в аспекте формирования лирического"].

Аморфной оказалась секция 2.4 Культурологические аспекты. Здесь не было недостатка в интересных докладах, однако заметно было отсутствие объединяющей их методологической основы. Вследствие этого, как отмечает А.И. Чагин, в докладе, например, украинского ученого **С. Виднянского** "Влияние процессов глобализации и европейской интеграции на национально-культурную жизнь славянского мира" говорилось о современных процессах дезинтеграции славянского мира, контрастирующих с тенденцией неславянских европейских стран к объединению, о расцвете национализма и "этноархизмизма", приводящих к культурной изоляции славянских народов. А в выступлении его коллеги **А. Скрипник** (Украина), обращенном к близкому кругу вопросов, подобные этнические трансформации характеризовались позитивно – говорилось о национальной и гражданской идентификации крупных групп населения, о влиянии происходящих изменений на повышение уровня и улучшения качества жизни и т.п.

Впрочем, в большей части представленных на секции докладов подобная проблематика рассматривалась или в сопоставлении двух национальных культур, или путем включения опыта одной культуры в широкий славянский контекст. Основной темой обсуждения было взаимодействие славянских культур, общности или близости их традиций и исторических судеб [доклады **И. Суецкой** (Польша) и **Р. Детрэ** (Бельгия), построенные на сопоставлении культурных традиций Болгарии и Македонии, выступление **И. Виркула** (Финляндия), посвященное выбору имен для детей в Загребе и Софии как выражению национальной идентичности и др.]

Плодотворным было обращение ряда участников работы секции к вопросам национального самосознания в мультикультурном обществе, проблемы диаспоры [доклады болгарских ученых **К. Михайловой** об особенностях восприятия понятия *родина, отечество* среди поляков, постоянно проживающих в Болгарии, и болгар, постоянно проживающих в Польше, и **В. Пенчева** – о двойственной идентичности (на примере болгар в Чехии и Словакии и чехов и словаков в Болгарии); **М. Черного** (Чехия) – о литературе чешской Вены, **Л. Хладкого** – о чехах в Югославии в XIX-м и первой половине XX в., **И. Паская** – об изучении взаимоотношений языка и фольклора на материале "русской культурной зоны". К этому кругу вопросов примыкает доклад **А.И. Чагина** (Россия) "О целостности русской литературы XX века", посвященный судьбам разделенной после 1917 г. русской литературы.

По сравнению с предыдущими съездами значительно сократилось количество докладчиков по фольклорной проблематике: прежде бывало по 60–70 докладов, а на этом съезде было всего 30. Из-за финансовых трудностей от участия в съезде отказались болгарские фольклористы, уменьшились украинская и белорусская делегации (по три докладчика). Слабо оказалась представлена польская и словацкая фольклористика (по 2 доклада); никто не приехал из Чехии. Наиболее значительной и здесь была российская делегация: девять фольклористов. И без преувеличения можно сказать, что доклады наших ученых – **О.В. Беловой**, **В.А. Бахтиной**, **А.Л. Топоркова**, **В.М. Гизака**, **Т.Б. Диановой**, **А.В. Кулагинной**, **Л.Н. Виноградовой** – вызвали наибольший интерес (это было заметно и по числу слушателей, появлявшихся в моменты выступления российских фольклористов, и по высокой активности дискуссий). Они отличались постановкой крупномасштабных научных проблем, методологической основательностью и широким охватом общеславянского материала, что было особенно важно при

обсуждении вопроса об этно-определяющей и национально-государственной функции "своего" собственного фольклора, значения фольклористики для государственного самоутверждения, базирующегося на концепции "приостановки этнической разгерметизации" нации (доклад Л. Вахниной и Л. Мушкетика).

Оживленную дискуссию вызвали доклады тематического блока под названием "Фольклор и фольклористика на переломе тысячелетия".

Качество состоявшихся на съезде тематических блоков было неровным – некоторые из них были удачны, другие нет. К сожалению, организаторам не удалось соотнести по времени проведение блоков с работой секций, близких им по тематике. Особенное затруднение было в том, что заседания блоков проходили в другом здании. Вообще относительно блоков участниками съезда высказано больше всего отрицательных оценок: право подбора докладчиков того или иного блока отдано председателю блока; это создаст льготные условия для слабых докладов. Часть докладов, относящихся к тематике блока, остается за его пределами на секции (так было, в частности, с докладами по библейским текстам и литургической поэзии) и т. д. В целом список блоков оставляет ощущение случайности, нет критериев их выделения. Вероятно, одним из основных критериев образования блока на съезде должна быть интердисциплинарность в решении славистических задач, что позволило бы привлечь к участию в съезде историков, археологов, специалистов в области материальной культуры и др. При этом блоки должны работать внутри ближайших по тематике секций, формируя их проблематику и используя их время – тогда более ответственно можно будет решать, какие из них нужны, какие нет.

Помимо "Круглого стола" "Литературоведческая славистика в период глобализации", на съезде были проведены "круглые столы" по темам: "Славянские языки в эволюционной перспективе: функционирование, контакты, языковая политика" и "Университетская славистика в славянских и неславянских странах".

В ходе съезда также состоялись заседания всех комиссий при МКС, была принята программа их формирования и деятельности и проведены выборы новых руководителей. Количество комиссий уменьшилось с 29 до 25: некоторые комиссии по разным причинам перестали действовать, но появились и новые.

По традиции, на съезде была развернута выставка славистической литературы, в которой, как всегда, значительное место занимали публикации российских ученых.

В целом, можно сказать, что съезд прошел успешно и выполнил свою задачу. Общее положительное впечатление от съезда хорошо выражает отзыв С.М. Толстой: «...Произошла смена поколений: на наших глазах ушли корифеи славистики (не просто крупные ученые, но и видные деятели международного славистического сотрудничества), в Любляне представителей старшего поколения, с именами которых связана история послевоенной славистики, было уже очень мало, но – была яркая талантливая молодежь, которая, может быть, не столь привержена идеологии славянского единства, смотрит на славянство из более широкой европейской или мировой перспективы, но с увлечением и свежими силами занимается славянскими языками, литературой и культурой и смело обращается к "вечным" проблемам, поставленным классиками славистической науки».

Следующий съезд славистов намечено провести в 2008 году в Македонии. Представление о плачевном положении славистики плохо увязывается с той борьбой за место проведения следующего съезда, которая развернулась до съезда и продолжилась на заседании МКС во время съезда. Претендентами оказались три страны: Белоруссия, Македония и Чехия. Белоруссия уступила свое право, но выбор между Македонией и Чехией удалось сделать только посредством тайного голосования.